

АТРИБУТЫ ПСИХИКИ КАК ЕСТЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Н.В. Беломестнова

Рассмотрена совокупность восьми специфических признаков психики и сознания, объединенных в три блока: спонтанная активность (в интерактивном блоке); объектная отнесенность, парадокс многомерности, экстраполяция, антиципация (в репрезентативном блоке); спатально-темпоральная целостность, недоступность прямому чувственному наблюдению, чувство принадлежности, неотделенности от индивидуума, субъективность (в интегративном блоке). Признаки иллюстрированы примерами из прикладной психологии.

Ключевые слова: специфика психических явлений, атрибуты психики и сознания, технологии манипуляции сознанием, тоталитарные секты.

Введение

Философская категория атрибута не является популярной в среде сторонников естественно-научной парадигмы, и особенно в среде представителей медико-биологической науки и практики, несмотря на то, что всякий раз при проведении дифференциальной диагностики они используют такие атрибуты (патогномоничные для болезни признаки) под названием облигатных симптомов. Но способность выделять сущностные (в терминах философии), необходимые и достаточные (в математических терминах), обязательные (в естественных науках), облигатные и патогномоничные (в медицине) признаки объекта является важной характеристикой в строгом мышлении специалиста. С утратой традиций широкого гуманитарного (университетского) образования, включавшего курсы философии и логики (не имеют в виду курсы политической экономии, исторического и диалектического материализма), осознание роли такого навыка строгого научного мышления у специалиста (такой способности) тихо ушло в небытие, разрушая как точное научное теоретическое мышление, так и грамотный клинический анализ.

В теоретической психологии ситуация аналогичная. В опубликованных автором ранее статьях было показано, как имеющие философское образование психологи-теоретики рассматривают проблему атрибутов психики (синонимы – проблему феноменологии психики, специфики психических явлений), а также рассмотрено, как эта тема перестала изучаться в период интенсивного развития прикладной психологии [4–7]. Между тем, в последнее время вновь обращается внимание

на эту категорию, рассматриваемую уже под новым наименованием – «характеристики целостности, интегративности» [3]. Обращение автора статьи к этой теме с позиций практики клинической психологии [4, 7, 13] позволило увидеть явные клинические факты, дающие теории общей психологии существенную информацию. Тем не менее повторное обращение к теоретическим аспектам этой проблемы в данном дискурсе позволяет показать существенную роль практики и её эмпирического материала в фундаментальных построениях. С другой стороны, предполагается, что представленные в настоящей статье идеи помогут практическим специалистам в клинико-психологической, консультативной, психиатрической и педагогической деятельности.

Второе замечание касается уточнения терминологии. Как было обосновано ранее [9, 10], психика и сознание являются принципиально разными регуляторными системами организма, причём сознание в качестве самой высшей и эволюционно наиболее поздней регулирующей системы управляет всеми нижележащими системами в соответствии с принципом, описанным ещё И.М. Сеченовым [20]. На основе открытого им феномена центрального торможения нижележащих нервных рефлексов И.М. Сеченов выдвинул идею, что «верхнее» образование регулирует «нижние» системы, причём, как правило, тормозящим, ограничивающим образом. По аналогии и сознание человека способно в заметной степени регулировать все жизненные (не только социальные) проявления человека.

Но в настоящее время среди широкого круга представителей научного мира сохра-

няются представления о том, что психика и сознание у человека всё ещё отождествляются. Далеко не все специалисты-практики понимают, что психика есть и у животных (такое заблуждение особенно характерно для врачей). Поэтому в данной статье психика и сознание рассматриваются как синонимы, поскольку речь идёт только о специфических психологических свойствах человека.

Напомним принципы, на основе которых производится эмпирический поиск специфики психических явлений.

Первый – *принцип нейронального субстрата*. Если декларируется существование какого-либо психического образования (компонента, элемента психики) или блока (подсистемы) психики, то возможно найти специфические для него нейрональные корреляты, являющиеся субстратом данного психического образования.

Второй – *принцип патологической верификации*. Он предполагает, что можно найти примеры патологической гиперфункции или гипофункции данного психического явления, проявляющиеся, как правило, в психических нарушениях.

Третий – *принцип инструментальной модификации*. В соответствии с этим принципом можно найти примеры искусственных технологий нарушения адекватности функционирования сознания. Этот принцип выдвигался и исследователями естественнонаучного направления [16].

В соответствии с тремя фундаментальными функциями психики – интегративной (регуляторной), репрезентативной (отражательной, познающей, когнитивной) и средотрансформирующей (психомоторной), и с тремя структурными блоками в строении психики все ее атрибуты представляется возможным распределить на три блока.

Интерактивный блок

В 2002 году [4] уже предлагалась такая спецификация психики с кратким обоснованием примерами в основном из клинкопсихологической практики, основанными на критерии патофизиологического обоснования – если свойство, явление и механизм действительно существуют, то можно найти в естественном или искусственном эксперименте примеры гиперфункции или гипофункции этого механизма.

Первый блок интерактивных процессов обеспечивает трансформирующее взаимодей-

ствие со средой, т.е. является по существу психомоторным. Он соответствует одной из фундаментальных функций психики и одному из её структурных блоков – психомоторному [5, 6, 12]. Уточняющий термин «трансформирующее взаимодействие» необходим ввиду того, что в советской психологии термин «деятельность» приобрёл настолько широкий смысл, что стал совпадать по объёму понятия с понятием психики («отечественная психология деятельности»). Но когнитивные процессы сами по себе не оказывают никакого влияния на среду, так же как не изменяет среду зеркало, отразившее предмет. В свою очередь, трансформирующее взаимодействие предполагает реальное изменение среды, что возможно только с помощью моторной функции.

В этот блок включается и ещё одно свойство психики – свойство **спонтанной активности**. Это одно из свойств, выделенных в самых ранних трудах советских психологов. Именно об активности писал Л.С. Выготский в случаях, когда интеллектуальные достижения одного ребёнка не совпадали с успехами другого, имеющего тот же возраст и уровень развития интеллекта. Настоятельно отмечал активность психики С.Л. Рубинштейн. В начале XX века В. Штерн описывал факт онтогенеза: ребенок считает живыми механические самодвижущиеся игрушки и пугается их, затем у ребенка появляются другие критерии живого («мягкое», «теплое», «шевелится», «потребляет пищу», т.е. осуществляет обмен веществ). Исследования в процессе предполётной подготовки космонавтов показали, что и сенсорная, и моторная депривация нарушает нормальное функционирование психики человека.

Психопатология предоставляет обильный материал, доказывающий распад свойства спонтанной активности. Примером является нарастающая аспонтанность при прогрессивном течении шизофренического процесса, причём исследования в психиатрической клинике показывают, что эта аспонтанность затрагивает, как правило, не только внешнее проявление активности человека (сначала социальное, затем примитивно моторное), но и проявление вялости и скудости интеллектуальной деятельности (в частности, «умственной жвачки»). Возможно включить в число таких проявлений и ощущение навязанности действий, мыслей, чувств (эмоций) при синдроме Кандинского – Клерамбо (недаром синонимичное его название – синдром психиче-

ского автоматизма). В данном синдроме основным психопатологическим содержанием является чувство субъективной пассивности (отсутствие свойства и способности к самостоятельной инициации активности).

В нормальной психике интенсивно изучается последние три десятилетия такое свойство личности, как *субъектность* – способность личности к внутренней самодетерминации своей деятельности, не обусловленной внешней необходимостью, способность к самоинициации и самоорганизации своей деятельности. Даже более развёрнутое понимание субъектной личности как личности, способной к осознанию себя, мира и других людей, способной к осознанному принятию решения на основе просвещенного выбора, способной к самоинициации своей деятельности на основе внутренних мотивов и ценностей, способной нести ответственность за свои деяния, включает в себя свойство самоинициации. Задача формирования субъектности личности, способности брать на себя ответственность за свою судьбу, за свои поступки является первоочередной при решении многих проблем в психотерапевтической практике.

Некоторые из проявлений (и свойств) инфантильной личности – зависимость от других, неспособность принимать самостоятельные решения (за исключением характерологических вариантов), ощущение себя «игрушкой судьбы» (экстернальный локус контроля). Восприятие себя не как субъекта деятельности, а как объекта воздействия; не как активно действующего творца, а как исполнителя по заданному алгоритму – свойства не только незрелой личности, но и личности, склонной к формированию разнообразных аддикций. Свойство активности здесь явно нарушено.

В технологиях манипуляции сознанием в тоталитарных сектах и тоталитарных обществах одно из обязательных требований (это одновременно и цель работы с неофитом) – требование подчиненности и формирование чувства отсутствия собственной воли (лишение субъектности). «Ты – орудие Господа». Такая идея позволяет снять с себя ответственность за содеянное. Вспомним трагическую гибель в такой секте Талгата Нигматуллина, известного отечественного актера 90-х годов прошлого века, который, обладая профессиональными бойцовскими навыками боевых единоборств, тем не менее, был забит насмерть адептами секты, не произведя никаких действий для самозащиты. Можно применить

описанное явление и для диагностики – если в группе или сообществе возникает требование некритичного подчинения, то с высокой степенью вероятности можно предполагать, что данное сообщество преследует корыстные цели (необязательно материальные, это может быть и жажда власти).

При изучении фундаментальных проблем генезиса психики, т. е. проблемы причины её возникновения в природе [15, 17], автором в 2008 г. была выдвинута гипотеза о том, что если причиной (системообразующим фактором), создавшей необходимость появления психической (знаковой) деятельности, было гетеротрофное питание простейшего организма, то свойством, которое позволило ей (психике) появиться, была способность к спонтанной активности (наличие спонтанно сокращающихся протеинов), из которой и стала развиваться знаковая регуляция (системоформирующее свойство) [8].

Таким образом, свойство спонтанной активности приобретает ещё большее фундаментальное значение, чем в случае оперирования только явлениями человеческого сознания.

Репрезентативный блок

Второй блок – репрезентативный, познавательный. Он связан с другой фундаментальной функцией – функцией отражения свойств среды, или познания. В структурной модели психики он соответствует блоку когнитивных образов и процессов.

Такой атрибут, как **объектная отнесенность** психического образа, описан в философской литературе уже две с половиной тысячи лет назад на заре формирования древнегреческой классической философии. Содержанием этого атрибута является положение о том, что отражаемый объект мыслится и воспринимается субъектом вне пространства своего тела (в старинной терминологии), вне пространства анализатора (в терминологии физиологии высшей нервной деятельности), вне мозгового субстрата психики (в положениях современной теоретической психологии), хотя физиологические процессы, формирующие психический образ, протекают внутри организма субъекта. Психический образ «отнесён к объекту». Иначе говоря, психический образ описывается в терминах свойств объекта («круглый», «плотный», «блестящий», «красный»), а не в терминах физиологических изменений органа восприятия (в формулировке Л.М. Веккера). Другое

название для этого же явления – проекция, локализация, предметность [14].

Ещё Демокрит обсуждал это удивительное явление и для его объяснения создал теорию «истечений». Это свойство отмечалось всеми философами последующих эпох, а Л.М. Веккер считал его первым признаком самого элементарного истинно психического явления – ощущения, где разом даётся парадокс психического отражения. Применяемые им синонимичные (в его текстах) термины «предметность», «локализация» были заменены нами на «объектную отнесённость», поскольку слово «предметность» зарезервировано для одного из вторичных свойств перцепта («предметность перцептивного образа»), и это свойство совершенно отличается по содержанию от объектной отнесённости.

В структуре такой предельно насыщенной патологической симптоматикой модели психических нарушений, как синдром Кандинского–Клерамбо, есть симптом псевдогаллюциноза, при котором психический образ (речь, звуки, зрительные образы) проецируются не во внешнее пространство (как в норме), а во внутреннее – речь звучит внутри головы, иногда превращаясь в «звучащие мысли», зрительные образы видятся «внутренним оком». В психопатологии псевдогаллюциноз является показателем экзацербации, обострения психотического процесса. Как нам представляется, в псевдогаллюцинозе как раз и нарушается одно из самых фундаментальных свойств психического отражения – объектная отнесённость.

Второй в этом блоке атрибут – **парадокс многомерности**. Он состоит в том, что четырёхмерный мир (пространство плюс время) отражается в четырёхмерных образах посредством одномерного частотно-импульсного кодирования (что представляет собой один из вариантов психофизической проблемы). Сюда можно было бы добавить и иное его проявление – на сетчатке глаза формируется некое плоскостное, двумерное изображение объекта, но зрительный анализатор синтезирует полноценный трёхмерный предмет.

В психопатологии эндогенных заболеваний существует симптом дереализации – сценичность, искусственность, плоскостность, «нарисованность» наблюдаемых жизненных явлений, ощущение «мертвости» живых людей и «оживленности» мертвого (небиологического). Возможно, к таким проявлениям можно было бы отнести и явление деперсона-

лизации (по Ю.Л. Нуллеру) – тусклости чувственного отражения при депрессии (всё окружающее видится как сквозь стекло или воду), которое ощущается, но не переживается [18, 19]. Клиника локальных органических поражений правого полушария даёт обильный материал о нарушениях подобного рода – микро- и макропсии, порропсии, искажении пространственных, модальных и интенсивностных характеристик объектов.

Таким образом, при психических заболеваниях нарушается и адекватность репрезентативной (отражательной) функции психики.

Третий атрибут – **экстраполяция, антиципация**, или опережающее отражение, знание и переживание ещё не произошедшего (прогноз событий). Речь идёт не о мистических явлениях, а таком очевидном свойстве, как «знание», «знание» о том, что одни отражаемые свойства среды означают наличие других. Вся знаковая природа психики предопределяет это свойство, как концептуализировал ещё П.К. Анохин в 1962 г. [1]. Впрочем, ещё раньше, в 1935 г. при построении теории функциональных систем [2] он ввёл понятие акцептора действия, или образа цели. В психологии деятельности большое внимание уделяется такому процессу и способности, как целеполагание. А.В. Брушлинский [11] трактовал мышление как прогностическую деятельность, а уровень интеллекта оценивал глубиной прогноза.

В психопатологии известны не только аспонтанность больных эндогенным процессуальным заболеванием, но и «нецелеполагание», нецеленаправленность, неозабоченность будущим. Клиника лобных поражений также демонстрирует этот феномен.

В консультативной практике и практике психотерапии известно, что в темпоральных компонентах личности неоптимальны обе полярные стратегии – как футуристичность, так и пессимизм. Футуристичность – чрезмерная озабоченность будущим, чрезмерная фиксация на грядущих возможных и малореальных событиях разрушает эффективность деятельности в настоящем. Если она приправлена тревогой – формируется психастенический невроз, если такая футуристичность сочетается с эпилептоидными чертами – возникает синдром «скупого рыцаря». Но и полное пренебрежение будущим создаёт личностные проблемы, что хорошо известно по клинике алкоголизма, да и всех наркоманий.

Интегративный блок

Третий блок – интегративный, объединяющий. Он соответствует первичной, главной из фундаментальных, функции психики – регуляторно-интегрирующей. Этот блок в наибольшей мере описывает свойства психики как целого, и атрибутов психики в этом блоке больше всего, так же как и драматических последствий при их нарушении. Примеры нарушений большей частью относятся к технологиям манипуляции сознанием, например, в тоталитарных сектах.

Спациально-темпоральная целостность – субъективная и субъектная целостность, непрерывность в пространстве и времени, переживание своей личностной идентичности в пространстве и времени (самоидентичность, самоотчужденность: «я одинаков всегда и везде»).

При шизофрении наблюдается распад целостных визуальных образов в изобразительной деятельности. Дробность, незавершенность, заполненность несущественными и даже ненужными деталями разрушают изображаемый предмет до неузнаваемости. Самым ярким примером такого распада является широко известный по хрестоматиям рисунок кошки в динамике душевного заболевания. Для творчества художников, больных параноидной шизофренией, одной из характернейших черт является именно такая усиленная дробность изображения. В таких случаях законы гештальта перестают действовать.

Сам термин «шизофрения» связан с представлениями о личностном «схизисе». В инициальной стадии шизофрении родственники обычно отмечают грубую измененность личности больного. Субъективное чувство самого больного выражается, например, в бреде иногo происхождения («аристократического», «богатых родителей», «космического», «подкидыша»), бреде величия («Наполеон», «прокурор», «генеральный секретарь»), что также можно рассматривать как нарушение целостности личностной истории.

При социальных катастрофах (например, трагедия всех «волн» российской эмиграции) описывается потеря чувства личностной идентичности. Трагедия главного героя фильма Алана Паркера «Сердце Ангела» выражена в его словах: «Я знаю, кто я», хотя именно в этот момент он осознаёт, что был другим.

Из области технологий манипуляции сознанием в тоталитарных сектах известно, что одним из критериев созревания адепта

является способность пожертвовать собой во имя идей секты или по приказу гуру (см. про трагедию Талгата Нигматуллина). В данном случае нарушается естественное чувство физической, пространственной целостности, самосохранения физического и личностного. Религиозные фундаменталисты идут на самоуничтожение (что характерно для истинных религиозных фанатиков, а не тех, кто надеется на чувственно-насыщенную загробную жизнь).

Нарушается и темпоральная целостность. В тоталитарных сектах существует требование разрыва с родственниками («нет ни матери, ни отца»), причем требования отречения не только юридического и материального, но и эмоционального. Вся история личности, весь индивидуальный персоногенез прерываются и начинается «новая жизнь».

Из этих примеров видно, что при искусственном или естественном нарушении спациально-темпоральной целостности личности она (личность) становится уязвимой для чужого воздействия или поведение личности становится саморазрушающим.

Атрибут **недоступности прямому чувственному наблюдению** психических явлений, причем не только для внешнего наблюдателя, но и для самого субъекта, отмечал Л.М. Веккер. Часть психических актов наблюдать все же можно, поскольку некоторые психические процессы имеют внешние проявления – прежде всего, это вся психомоторная часть психики. Но сенсорный акт, перцептивный, репрезентативный, мыслительный, действительно ненаблюдаемы. Регистрация их возможна только при самоотчете испытуемого (речь, иная форма продукции). Эмоции имеют вегетативные, поведенческие корреляты, объективно наблюдаемые и регистрируемые, но их субъективный компонент остаётся «секретом» субъекта, объективировать который можно только с помощью специальных, например, психосемантических методов.

Психопатология в синдроме Кандинского–Клерамбо включает чувство открытости психической деятельности для непосредственного наблюдения другими («все «видят» мои мысли», «не успею подумать, как кто-то уже повторяет мою мысль»).

В тоталитарных обществах формируют чувство открытости всей психической жизни индивидуума (кроме системы соглядатаев, «стучачей» имеется еще и техническая, внешне наблюдаемая открытость, демонстрация

невозможности утаить). Еще Ф.М. Достоевский отмечал, что на каторге самое тягостное – невозможность уединения.

Третий атрибут в этом блоке – **чувство принадлежности, неотделенности от индивидуума, субъекта**. Это чувство принадлежности психического явления индивидууму, непосредственная данность субъекту, переживание психического акта как своего монопольного, единичного, уникального события.

Субъективно-личностная, интроспективная феноменология в консультативной и психотерапевтической практике – неприятные переживания в случае понимания кем-либо наших скрытых мотивов (часто, но не в каждом случае). При шизофрении и шизоидной психопатии наблюдается патологический уровень выраженности этого явления.

В психологии часто ситуация диагностики типа личности, характера, включения в какую-либо классификацию вызывает неприятие у человека, с появлением чувства потери уникальности своей личности, грубого упрощения его сложной и противоречивой индивидуальности, попросту – чувство непрошеного и нетактичного вмешательства в его интимную сферу.

В синдроме Кандинского–Клерамбо (психического автоматизма) имеется симптом чувства чуждости, непринадлежности себе своих эмоций, мыслей, навязанности действий; ощущение себя как марионетки.

Максимальное проявление этого явления в норме свойственно крайним религиозным фантикам – «Ты – орудие Господа». Это универсальный прием и в тоталитарных сектах.

И последний признак – **субъективность** как высокий уровень вариативности реакций на сходные или идентичные стимулы среды (как и интериндивидуальных – между индивидуумами, так и интраиндивидуальных – у одного индивидуума).

В качестве примера представим такой ряд феноменов. Механические системы имеют однозначную реакцию. Живые организмы без психики (растения) и живые, наделенные психикой (животные), на первых ступенях эволюции имеют реакцию вариативную, зависящую от внутренних биологических условий, но вполне предсказуемую. А психические и психологические системы проявляют максимальную вариативность, при которой возможен только вероятностный прогноз.

В клинике психопатологии при интеллектуально-мнестическом дефекте и при любом

дефектном состоянии наблюдается оскудение психической жизни, однозначность реакций на внешние события, грубое сужение диапазона психических и психологических проявлений индивидуума.

Все ситуации вынужденной унификации и регламентации ведут к потере личностью ее «Я-концепции», нарушению своих прав на «privacy». В тоталитарных сектах в технологию манипуляции сознанием входит лишение права на личное, индивидуальное, унификация всех человеческих проявлений. Все формы коллективной жизни в случае, если она обязательна для каждого субъекта независимо от его желания, лишают субъективности и нередко ведут к неврозу.

Таким образом, применение эмпирических аргументов и иллюстраций для разработки теоретических вопросов может оказаться довольно продуктивным подходом, который не только обогатит академические исследования, но и способен навести мосты между теорией и практикой.

Главные идеи данного дискурса:

возврат категории атрибута психики и сознания в теоретическую психологию;

применение материала клинической и консультативной психологии для верификации теоретических построений;

анализ патофизиологических явлений с точки зрения теоретической психологии.

Литература

1. Анохин, П.К. *Опережающее отражение действительности* / П.К. Анохин // *Вопросы философии*. – 1962. – № 7. – С. 97–111.
2. Анохин, П.К. *Узловые вопросы теории функциональной системы* / П.К. Анохин. – М.: Наука, 1980. – 196 с.
3. Барабаничиков, В.А. *Принцип системности в современной психологии* / В.А. Барабаничиков // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2004. – Т. 1, № 3. – С. 3–17.
4. Беломестнова, Н.В. *Атрибуты психического* / Н.В. Беломестнова // *Фундаментальные проблемы психологии: личность в исторической психологии: материалы науч. конф. 23–25 апреля 2002 г.* / под общ. ред. проф. В.М. Аллахвердова, доц. О.В. Зацциринской. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – С. 3–4.
5. Беломестнова, Н.В. *О фундаментальной функции психики* / Н.В. Беломестнова // *Ананьевские чтения – 2005: материалы*

научно-практической конференции 25–27 октября 2005 г. / под ред. Л.А. Цветковой, Л.М. Штилицыной. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 8–9.

6. Беломестнова, Н.В. Системный подход в психологии // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 10. – С. 43–54.

7. Беломестнова, Н.В. Системный подход в судебной экспертизе технологий манипуляции сознанием / Н.В. Беломестнова // Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма: сб. науч. ст. по материалам Первого международного форума (Санкт-Петербург, 5–7 июня 2006 г.) / под общ. ред. И.А. Баевой, Ш. Ионеску, Л.А. Резуи, С.А. Чернышевой. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2006. – С. 211–213.

8. Беломестнова, Н.В. Системообразующий фактор генезиса психики / Н.В. Беломестнова // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Ананьевские чтения – 2008», 21–23 октября 2008 г., Санкт-Петербург / под ред. Л.А. Цветковой, Н.С. Хрусталёвой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 174–175.

9. Беломестнова, Н.В. Уровни знаковой регуляции (от простейших до человека) / Н.В. Беломестнова // Психология человека: интегративный подход: сб. ст. / под ред. д-ра пс. н., проф. В.Н. Панферова. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2007. – С. 15–35.

10. Беломестнова, Н.В. Эволюционное древо регуляторных систем организма / Н.В. Беломестнова // Современные проблемы биологической психиатрии и наркологии: тез. докл. Второй Всероссийской конференции с международным участием 4–6 марта 2008, Томск / под ред. В.Я. Семке, Т.П. Ветлугиной. – Томск: Изд-во «Иван Фёдоров», 2008. – С. 34–36.

11. Брушлинский, А.В. Субъект: мышление, учение, воображение /

А.В. Брушлинский. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996. – 392 с.

12. Васильева, Н.В. Некоторые системные принципы структуры психики и функций головного мозга / Н.В. Васильева // Психолого-педагогические проблемы развития личности в современных условиях: тез. докл. Межвуз. науч. конф., Санкт-Петербург, 18–20 мая 1999. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – С. 23–25.

13. Васильева, Н.В. Парадоксы психического отражения / Н.В. Васильева // Ананьевские чтения: тез. науч.-практ. конф. «Ананьевские чтения – 2000» / под ред. А.А. Крылова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 118–119.

14. Веккер, Л.М. Психические процессы / Л.М. Веккер. – Л.: ЛГУ, 1974. – Т. 1. – 335 с.; 1976. – Т. 2. – 343 с.; 1981. – Т. 3. – 327 с.

15. Гиппенрейтер, Ю.Б. Введение в общую психологию. Курс лекций / Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: ЧеРо, Юрайт, 2002. – 336 с.

16. Ирецкий, А.Н. Топологические критерии в скрининге теоретических моделей в психологии / А.Н. Ирецкий, Н.О. Кустова, Л.В. Огинец // Ананьевские чтения–2001: тез. науч.-практ. конф. 23–25 окт. 2001 г., Санкт-Петербург / под общ. ред. А.А. Крылова, В.А. Якунина. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 293–294.

17. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – 3-е изд. – М.: Изд-во Московского университета, 1972. – 576 с.

18. Нуллер, Ю.Л. Депрессия и деперсонализация / Ю.Л. Нуллер. – М.: Медицина, 1981.

19. Нуллер, Ю.Л. Аффективные психозы / Ю.Л. Нуллер, И.Н. Михаленко. – Л.: Медицина, 1988. – 263 с.

20. Сеченов, И.М. Избранные философские и психологические сочинения / И.М. Сеченов. – М., 1947.

Поступила в редакцию 6 ноября 2011 г.

Беломестнова Нина Васильевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург; e-mail: belomestnovanina@bk.ru; www. belomestnovanina.narod.ru

Nina V. Belomestnova. Candidate of psychological sciences, assistant professor of psychology of human psychological-pedagogical faculty of Herzen Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg; e-mail: belomestnovanina@bk.ru; www. belomestnovanina.narod.ru